Автор: Жюри
04.03.2013 11:42

Поэт, живет в Кохтла-Ярве (Эстония).

О себе: родилась в Татарии, окончила Московский энергетический институт, после чего переехала в 1983 году в Эстонию. Работает лектором в колледже Таллинского Технического Университета. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Новый Таллинн», «Радуга» (Таллин) и др.

МЕЖДУ ТИШИНОЙ И МОЛЧАНИЕМ

* * *

Автор: Жюри
04.03.2013 11:42

Как самое последнее слово, оборванное посреди,
Как плащ, повешенный мимо гвоздя,
Так и я не имею формы, даже когда я - главное,
Если нет Тебя.

Всматривающегося в движения моих губ,
Считывающего заломы на рукаве,
Вынь из моей души непроизнесенный звук.

Ты, любопытный, смотришь внутрь
Через замочную скважину моего рта
На то, как все движется, отталкиваясь от стен,
От невидимых потолков, от струн,
От воздуха, натянутого в пустоте,
От горла, натянутого на выдох и вдох,
Между нотой Да и нотой Ты.

Молчание спасение немоты.

^

* * *

Вынутая из горячего сна,
действительность зябнет. Листья -
в мареве сухости, распыленной с аэропланов -
скручиваются в желто-махорочные,
всасываются внутрь ветвей.
Клапаны почек перекрывают течение
жидкости, извлекаемой из почвы. Утро
перепутано с вечером,
весна с тишиной,
пустота с пространством.
Тихий звонок, исходящий из точки вне моего взгляда,
луч света, летящий вне моего уха.
Реальность, споткнувшаяся о порог сна.

^

* * *

когдатолюбимый заходит в метро
там узко и длинно и сердцу пестро
там тряска тоски и назад и вперед
как травы морские качает народ
сминает тасует несет в пустоту
фонарь голосует трясется в поту
когдатолюбимый по горло в тоске
оранжевый дым на его языке
в окне как в кювете почти негатив
полощется свет на стекло накатив
и запах резины и мутная мгла
и не воскресить восковые тела

^

* * *

не знаю где украдено
не знаю где подхвачено
поет во мне как радио
мотив переиначенный

сквозь музыку от трения
на колышек надетая
звучит пластинка древняя
затертая надеждами

и как же все наверчено
что сразу и не узнано
и ты еще наверное
не слышишь эту музыку

не думаешь не ведаешь
бредешь своими странами
а мне окно обветрено
январскими буранами

смотрю бело над двориком
и не мирясь с морозами
несет старуха корюшку
в смешной авоське розовой

и так умильно скалится

барбос за синей шторою
на то как солнце катится
и рвется за заборами

как вытекает масляно
сквозь реечки и планочки
за музыкой немыслимой
оплавленной оплаканной

^

* * *

о пустых зеркалах о стадах кобылиц бесноватых
говори до утра пусть движенья крадет тишина
рукавом по окну мы бесценных небес нумизматы
от вращенья земли обнажается лодочка дна

утоли мне печали завесь мне оконные веки
напусти тихий морок упавших за море веков
и твоих кобылиц проплывут белогривые реки
оставляя на вязкой душе голубые следы от подков

тянет нить изнутри серебристое словореченье
истекаю любовью молчу ни жива ни мертва
все что ты говоришь - не имеет ни дна ни значенья
но должно быть рассказано - так происходят слова

^

* * *

Внемли, о дворник, ты видишь - закончилось лето,
Яблоки сохнут и падают в черную слизь.
Все облетает - и значит, проходит бесследно,
Кроме печали. Смети же ее, не ленись.

Утро впадает в окно чернотой. Или окна
В утро впадают конфорочным синим кружком.
В ватных штанах и фуфайке, похожей на кокон,

Ты коронуешься ломом, метлой и скребком. -

Скипетр твой и держава. А ясени так облетают.
Вечность и тленье смешались на нашем крыльце.
Разве во тьме тебя видно, опавшая смерть золотая,
Как и улыбку на темном небритом лице?

Бьются шторма в запотевшие синие стекла,
Лампочки тлеют затравленно, как на ветру.
Если ты вновь почитаешь мне на ночь Софокла,
Может быть, я подожду - и сегодня еще не умру.

^

КОЧЕВНИКИ

узкой щелью ладоней небес и земли
желтой глинистой твердью - песок и саман
белой долгой пустыней беззвучно прошли
и легли как туман

запах дыма от шерсти овец и коней
на чужую полынь не загонишь силком
в разбежавшихся реках вода солоней
и горчит молоко

на земле под землей неподвижны века
из бездонных глазниц вырастает камыш
навсегда отпечаток оставит щека
на щетине кошмы

каждый пройденный день обрывает родство
незнакомое солнце на скулах камней
и курганы скрывают свое торжество
за усмешкой теней

^

* * *

всё начинает забываться,
всё начинает начинает
пока тебе еще семнадцать
в зубах затушенный чинарик

где эти годы эти бездны
куда заглядывать не стоит
ты поимённый неизвестный
гуляет время холостое

а ты уже летишь зажмурясь
по лабиринтам закоулкам
пенсне помятая тужурка
и абрис темный и сутулый

и ты не ты и время сбилось
плывут размытые столетья
пугает дулом ветер с тыла
и ненадёжен каждый третий

горят на лбах твои знамена
свинцовой подписью неровной
на полосатых перегонах
стоят последние перроны

где ты теперь что помнишь точно
зима качается над дачей
колючий двор фонарь полночный
морозный рваный лай собачий

^

* * *

Дюймовочкой на кончике соцветья,
в резной тени, повисшей белой сетью,
под сладкий сплав цикады и сверчка
дослушать звон до самой верхней ноты -
прелюдию отложенной охоты -
до первых слов, до взмаха, до свистка.

Прерывисто вселенское дыханье -
вода урчит, вздыхает потрохами,

за спинами поскуливает страх
под лязганье стальных телеэкранов,
под чтение заученных коанов,
под звон мечей, висящих в головах.

Дыши, земля, пока еще живая,
пока тебя безумие сжимает,
как пуповиной, шею обхватив -
рожденье-смерть, протиснуться, пробиться,
напряжена как тетива, как бицепс,
как стон, как закольцованный мотив.

И вот огня кубические блики
на монитор легли, равновелики,
засушен цвет, гербарий упоен,
разложен в оцифрованной вселенной
до самого последнего колена,
и анион врачует катион.

И нас опять коснется постоянство
на лотосе из вечного фаянса,
в оазисе в заброшенных песках.
Веретено щебечет, словно птаха,
и длится нить, и мерно шепчет пряха,
сокрытая в опавших лепестках.

^

* * *

сердце-бабочку насмерть пробила сухая трава
солнце выжгло на крыльях узор по вчерашней холодной росе
голубые цветы прорастают в мои рукава
на контрольной твоей полосе

что сомкнется поверх не отпустит волна как стена
замурует мне выход засыплет отцветшим быльем
и уже не успеть не качнуть перископами над
уходящим на дно кораблем

зацветет зарастет занесет легковесным песком
закопает зароет отнимет и имя и плоть
и в историю впишет сожженным цветным черепком

что легко удалось расколоть

^

* * *

Не говорить, не помнить. Не придешь.
Смотреть бездумно, проводить по стеклам
Скрипящим пальцем. Радужным отеком
Фонарь напротив освещает дождь.

Тончайших вод неровные края
Свисают с крыш, подсвеченные сбоку,
И город, как большая полынья,
В реке дождя, плывущего с востока.

Мир выверен, как лучший инструмент,
И все что в нем - навечно и во благо.
И туч сосцы, отдавшие нам влагу,
Ничто за это не прося взамен.

^

* * *

Как музыкой слепой, как патокой и медом,
Обмазан предрассветный городок.
Он щурится в ночи, он смотрит на восток,
Раскрашенный чуть дышащим восходом.

Как слабый мрак кулис, как бутафорский студень,
Неверный тает мрак, сползая по стене,
И кубики домов оплавлены в огне,
И каждое окно, как отблеск на полуде.

Теперь папье-маше уродливых строений
Раскрашено смелей, чем самый странный сон.
И утра свежий вздох, как камертон времен -
Сгоняющий в углы напуганные тени.

^

* * *

Ты видишь - лики гор оглажены дыханьем
Предутренних ветров, сокрытых до поры,
И рвутся языки из солнечной лохани
Облизывать квадратные дворы.

Распластанная пыль и чешуя строений
Для них веселый цвет и красный звонкий вкус,
И город как агат, и тени наслоений
Разметят каждый куст,

И черепицу крыш, и ксилофон скамеек,
Пробьют узор портьер, и небо луж до дна.
И выступает мир, как выпуклость камеи
На плоскости окна.

^

* * *

голова не окована плахой
тело белое терпит-болит
в нем живет постоянная Планка
размывая любой монолит

то что видимо глазу - неточно
бесконечность лежит позади
там года собираются в точку
не догонишь годи не годи

не создавший и создан не будешь
не подняться на горнюю твердь
так и маются вечные люди
не спеша насовсем умереть

все б им хлеба краюху да пальцы
воздух рвут напоследок пустой

окаянному сну не распасться
он запаян в свинец золотой

что за гончие дали и вехи
не добраться по свежей стерне
не жилье а стога да застрехи
словно в птичьей живешь стороне

утром выйдешь - горящие знаки
рассыпает рассвет по стволам
горловиной воронки с изнанки
тишины возвращаясь к делам

^

* * *

что позади - сырое знамя
полки полегшие за нами
пятнистый фон последних стен
мой брат где были наши ясли
и что бы с нами было если
но мы явились не за тем

дары печальные не пали
не серебро на одеяле
не ладан с миррой черт возьми
а солнца темные ладони
из неоплавленной латуни
и неба прочерк за дверьми

слова как полые бутыли
трофеи призрачных баталий
не тех не тех зачем кляня
твои безумные фонтаны
твои межзвездные фотоны
толкали в спину не меня

я не пойму что значит предан
и с кем твои делили предки
хлеба и рыбы серебро
что мне досталось только ветер
что одиночеством и смертью

колол под сломанным ребром

не отмотаешь кинопленку
иди куда захочешь пленник
еще не кончилось кино
твой тонкий крик безумней эха
и рот не вылеплен для смеха
но смейся брате все равно

^

* * *

Моя тоска неодолима, моя музыка бесконечна
Над белой улицей неглинной, над белой улицей заречной,
Где эти глупые заборы, дома, горячие от пота,
В котором лето нежит город, едва вернувшийся с работы,
Когда невиданное мною, уже покрытое веками,
Струится время расписное, растраченное пустяками?

Где это время золотое, папье-машейное сухое,
За занавеской каланхоэ, а за геранями алоэ?

Не надо, время, не тревожься, к тебе ничто не возвратится,
Мы наше тело обезвожим, когда придет пора ложиться,
В пустых песках мы тоже вечны, мы ветром высущенный камень,
Мы в пыль прозрачную истечем, когда нас выпьют сквозняками.
Я сотни лет об этом плачу, я помню то, что не случилось,
Я исцеленный светом, врачу, я небу отданный на милость.

Когда мое приидет время, когда сомкнется надо мною,
Тогда опять рассеют семя над жадной пустошью земною,
И хвост полынный колыхнется, и сокровенное былое
Из тучи огненной прольется на каланхоэ и алоэ.

^

* * *

Нет ни прочности в этом, ни проку.

Так в себе и живешь, - почему?
Не оставить, не выйти до срока,
Не раскрасить такую тюрьму.

Достучись до меня, оболочка --
Только фантик, глазам и устам.
А внутри невесомая точка,
И она не легка, не пуста.

Что там дышит, неслышное диво?
Что там бьется - приникни к груди.
Что там ходит всю жизнь торопливо,
Не стараясь быстрее уйти?

Намели, хлопотливый емеля,
Мне муки полной мерой без дна.
Для того, что живет в этом теле,
Крепче меда и слаще вина.

^

* * *

Я видела его при утреннем свете.
Я видела его при вечернем свете.
Я видела его, закрыв глаза.
Я видела его на фоне небес,
когда звезды осыпаются вниз,
а море - перевернутая чаша.
Я видела его маленькой точкой вдали,
раздавленной небом и землей.
Я видела его глаза,
я смотрела туда,
Где корни травы, прорастая, щекочут белые ребра,
Где пастушки танцуют на каминной доске под бой отстающих часов,
Где бабочки медленно сохнут на платиновых булавках,
Где сияние чашки с кофе на выскобленном столе,
Где даже я есть - на берегу моря,
в окружении чаек, камней, и побелевших от времени деревьев.

^

Автор: Жюри
04.03.2013 11:42

СААРЕМАА

Вересковые пустоши под ледяным ветром.
Хмурые утра,
Маяк в тумане.
Камыши по пояс в воде.
Свет дня тянется за горизонт.
Болота обнимают камни.
Простуда резиновых сапог.
Гнездо в прибрежном кустарнике.
Осень лета и весна зимы.
Горизонт в часе пути.

^

* * *

сны странника кругами по запястьям
слепых дерев оплавленные длани
заплаты неба птичьими телами
у времени отчаянье бесчестья
качает расчехлёнными стволами
сбивает вниз оплаканное пламя
остаточные сладостные чувства
земля горит прогорклыми плодами
ей отданы на тлен и на закланье
дары других прекрасных и пречистых
плат огневой и дымный и камланье
густых костров на пластике площадок

^

* * *

на улицу выйдешь - там небо исхлёстано ветром
до слёз, до лиловых следов на отёкших щеках.
там воды вверху, а внизу раскалённые ветви,
там корни горячей земли прорастают в густых облаках.

там люди, там флаги, все мимо бегут, и хлопочут

и кверху летят, загребая ногой пустоту.
воронкой бурлит колокольная гулкая площадь
и через себя пропускает, всё выспросив начистоту.

а что мне сказать? я пустее пустого, я воздух,
ты видишь и сам, как меня растворяет вода -
проходит насквозь, как и я проникаю сквозь воду -
не всё ли равно, кто кому расставлял невода.

мы - птицы, мы рыбы, мы сбросим свое оперенье,
сквозь пальцы сетей утечём, не оставив следов.
и лёгкие наши впитают пространство и время -
и выдохнут влагой в просторы ночных городов.

^

* * *

как человек который понемногу
отламывает вечности кусочки
я понимаю разницу во вкусах -
у дворников безумная эпоха
мне пишется а птицы улетели

такая осень снится бестолково

и музыка то трубочкою губы
то теркой дождь
то все безумно слышно
все невпопад но слаженно и гладко

асфальт блестит и морщит ветру нос

^

КАДР N6

Опять разметила зима
По крышам белые закладки.
Стоят озябшие дома

Автор: Жюри
04.03.2013 11:42

В урбанистическом порядке.

Ах птичка, вечно вдалеке
То мысль твоя, то взор туманный.
Что за неведомые страны,
Где ты с судьбой накоротке?

Нам город - домом, снег - плащом,
Свои заучиваем роли.
Давай опять заправим ролик
И щелкать заново начнем!

И в этом городе твоем,
На полотне старинных зданий
Мы как всегда, обнявшись, встанем,
И кто-то снимет нас вдвоем.

Портрет поставим на столе -
И будем видеть ежедневно:
Вот это мы, а это - небо -
На мачтах белых кораблей.

^

* * *

человеки во сне будто рыбы едва шевелят плавниками
проплывая меж скользких камней и лиловых лоснящихся трав
мерно воздух сквозь веки цедя разгребая пространство руками
от вечерней опавшей звезды от бесслезных надежд до утра

не исчезнет нелепый кошмар от пустого вращенья глазами
не привидится бледный Хафиз и его ковротканый Шираз
стаи блекнущих радужных птиц истекают блестя телесами
выпей сладкое море до дна выпей море излечишься враз

око выедят глупые рыбы которым неведомо время
тянут луны тяжелый прилив по подводной реке бечевой
от случайных кругов по воде наступает умиротворенье
и до завтра всего лишь столетье не стоит будить ничего

^

* * *

Птички смешные - курлы-курлы.
Двери открой, выходи во двор.
Небо, смеясь, наставляет стволы,
Полон ягдташ голубых озёр.

Крылья не сложишь, течь из груди,
Стук в бензобаке - скорее вон,
В белые реки пади-пади -
Рыбок стеклянных холодный звон.

^

* * *

жужжание зеленых златокрылых
привязанных за обод подбородка
изнемоганье зноя чистотела
хозяйственное мыло рукомойник
трава в поту подвязанные плети
лиловое и белое заборы
черемуха косящая калитка
пустая бочка красная коровка
обходит свет гадает по руке

^

* * *

...это дом
где молоко в запотевшем кувшине и соленый дождь за окном,
где рыбий глаз новостей скользит по щеке туда,
где путаются сонные мысли, упрятанные в провода,
где никто не умер, не умирает и не умрет,
где время, если и движется, то качается взад и вперед,
где улиточьи рожки будильника, где раковина, как слюда,
где, булькая, плавится кофе в склянке из сливок и льда,
где воздух пропитан смехом запасливо, на века,
и стоит только пошевелить пространство, чтобы нащупалась чья-то рука,

где, засыпая, ищешь свои следы,
а находишь лишь дождь молочный в кувшине из времени и воды.

^

* * *

нет калитки и нету ограды
и не снится и не наяву
то ли лесом иду то ли садом
как лечу - не сминаю траву

меж подсолнухом и бересклетом
то ли в тень то ли в пламень жары
в войлок травный колючий нагретый
я улягусь глаза не закрыв

в этих кронах полдневное пенье
в жестких листьях запутался зной
воздух тает и неба кипенье
и бездонный зрачок надо мной

и на тонкой сквозной паутинке
пролетает торжественный круг
как по краю беззвучной пластинки
перепуганный ветром паук

как же воздух отравленно сладок
что ж так мучить меня перестань
только что это бьет меж лопаток
проливаясь огнем за гортань

и услышится за полусмертью
не позвать не заплакать не встать
не вскричать что не верьте не верьте
- Вор, убийца, разбойник и тать!

^

* * *

пан пропал тростниковая плещется мука
свищет в ухо скользит по щеке
извлечение истин из слуха и звука
не сошедшихся накоротке

насыпай мне в глаза острокрылые стекла
это калейдоскоп из ресниц
сквозняковая даль завлеклась и намокла
от стенаний мятущихся птиц

то ли слезы с небес то ли воды тугие
только в ухо слепого писца
залетят не твои словеса дорогие
а безумные стоны птенца

и зачтется не то что платилось горстями
и не будет хулы и наград
только вспомнят когда-то мы были гостями
и стояли у солнечных врат

^

* * *

изломом кристаллическим зернистым
прозрачным звуком радостным и чистым
звучи любовь ты движешься извне
и вот уже вступаешь в ухо мне

медузой проплывающей бесцельно
ты кажешься пока еще отдельной
от плоти наполняемой теплом
от разума за радужным стеклом

но перечень магических событий
густых созвучий сладостных соитий
не дочитать до первой запятой
меж поиском и вечной пустотой

то что звучит понятно и по нотам
в сухих телах завещанных заботам
под эхом застревающим в пыли
и тяжким колыханием земли

Автор: Жюри
04.03.2013 11:42

все то что входит плавно и протяжно
безжалостной иглой твоей портняжной
и белой ниткой черным лоскутом
пришито мне на рубище простом

все то что я пойму и не отрину
что я услышу пусть наполовину
я все приму ты это просто спой
я лишь сосуд заполненный тобой